

WARHAMMER
40,000

THE BLOOD ANGELS

OMNIBUS

'War-torn tales of loyalty and honour.' – SFX

JAMES SWALLOW

Джеймс Сваллоу - Кровавые Ангелы
Отнибүс. Долг крови

Долг крови

Заметка автора: Эта история произошла
за несколько лет до событий Обзрѣнного
Бога и Третьей Войны за Армагеддон.

Они оставили машину у ворот порта,
когда кровь начала сочиться из
вентиляционных решеток.

Машина ворчала и вздыхала, стекла в
окнах начали трещать, когда она
сдвинулась и начала менять очертания.

Двое побежали, стуча ботинками по
дороге, плечами расталкивая толпу
перепуганных людей.

Женщина тщательно рассматривала
толпу.

Ей было не в первой очутиться в густой,
напуганной массе и она знала о капризной
природе животной ментальности толпы.

Если правильно применить силу, их
можно будет утирить, но точно так же
быстро она может стать кровожадной.

Эти крики, плач, ползущая толпа была

сильно напугана.

Они так отчаянно хотели жить и все же она знала, что они будут мертвы до заката.

Она бросила взгляд через плечо и в ответ ее компаньон нахмурился.

Он еще ни разу не оглянулся на город, который они оставили позади, с того момента, когда они сбежали.

С расстояния она могла видеть где упали самые высокие башни улья, части их структур изменились на молекулярном уровне, стальной скелет потек, как расплавленное масло, когда изменения затронули его.

Здания, выполненные по лучшим канонам Империи, которые стояли гордо и непокорно, теперь были в беспорядке, изогнутые, с

них сняли кожу из камня и теперь они показали свои железные ребра небу.

В воздухе над головами ныряли и переплетались точки - возможно птицы, падальщики, или может быть тучины и

женщины, как

те, которых она убила, чтоб забрать машину. Люди с новыми, отросшими крыльями, все еще токрыли от атомной жидкости.

Прогрелев, взлетающий транспорт внезапно обдал их горячим, вонючим выхлопом, затуманившим всё, фыркающие двигатели

вибрировали и скрипели.

Она смотрела, как он старался набрать высоту с опасно перегруженными грузовыми модулями, полными беженцев.

С выбросом серого пара, что-то внутри сломалось и корабль резко нырнул к земле.

Ровно за секунду до падения корабля, она схватила своего компаньона за плечо и втащила в укрытие.

Сотрясение повалило толпу как лес и очень долго в ее ушах стоял низкий, шипящий свист.

Он поднялся первым, его губы двигались, хотя она не слышала его голоса.

"Сюда.

Бежим".

Она кивнула.

Едкий химический дым лужей растекался по их ногам, резкий ветер на посадочном поле поймал края их плащей и теперь хлопал

ими, как парусом.

На них были простые робы пилигримов, одежда большинства бесконечных жаждущихся паломников, которые прилетели на Орилан

для посещения гробницы Затихших Лордов, но никто из пилигримов не носил пог одеждой боевую экипировку или оружейную кобурку.

Другие корабли пролетели над ними, взбираясь к небесам на копьях раскаленного белого огня.

Горизонт был полон бегущих, серебряных точек, отчаянно пытающихся избежать ужаса, поглотившего планету.

В первые несколько часов вспышки, вокс-передачи описывали этот эффект, как

вирус, предупреждали людей оставаться дома и

избегать больших скоплений народа, но быстро стало ясно, что изменения не были проявлением каких-то злобредных микроорганизмов, и это не ограничилось людью.

Животные, насекомые и даже растения начали менять форму и мутировать.

Новые формы возникали на каждом углу, отвратительные и тошнотворные, они отращивали рога или извивающиеся щупальца.

Затем всё неподвижное и неорганическое стало жертвой ползущих отродий, железо, камень и пластик, деформировались от их прикосновений.

Некоторые истеричные сводки говорили о тенях, темнее ночи, которые проносились через каньоны города, оставляя после себя сюрреалистичные и неестественные уродства.

Кажется само здравомыслие покинуло Орилан, позволяя вырваться в холодный

свет реальности, вещам, которые когда-то
были

обитателями кошмаров.

Она потрясла головой, чтобы прояснить
сознание и проторгалась.

Ее компаньон указывал надвигающуюся
толпу людей, цепляющихся за край
посадочной рампы.

"Этот, - сказал он. - да?"

"Да", - ответила она.

Наверху рампы был планетарный лихтер,
орбитальный шаттл, грубого, но
достаточно быстрого типа.

Такие же корабли работали во всем
Империи и она знала, что если
обстоятельства потребуют, она сможет
пилотировать такой

корабль самостоятельно.

На лихтере была эмблема агентства
грузовых перевозок, которое перевозило
людей и грузы с орбиты планеты на
поверхность и

обратно.

Она посчитала, что с достаточной

массой и хорошим курсом, этот корабль
мог доставить их на самую дальнюю луну
Орилана.

Там, где кончалась рампа, открытый люк
блокировал огромный сервитор, выбирая
людей из наседающей толпы грубыми,
металлическими захватами.

Различные ценности, от мешков с
монетами до бочек с аласеком и
музыкальными инструментами лежали
грудой рядом с его
захватательными конечностями.

Между ними и сервитором было около
ста пятидесяти человек.

Ее лицо превратилось в трачный оскал,
рука женщины нырнула между
отворотами плаща, пальцы дотронулись
до избитой рукоятки

старого, но надежного стаббер пистолета.

Она рассматривала людей в поисках цели,
попадание в которую вызовет панику
больше всего паники.

"Погожди".

Его левая рука дотронулась до ее локтя и

она увидела, что его правая рука так же нырнула в складки одежды.

Она знала этот взгляд его глаз, туманный, немного отчужденный блеск, когда он читал людей.

"Будь готова".

Слова едва сорвались с его языка, когда в центре толпы возникло волнение.

Необычный, воющий крик вырвался из рта неуклюжего работника доков в рабочей комбине зоне.

Несчастный бросился в сторону, врезаясь в других людей, визжа при столкновении с ними.

Те, кто были рядом с ним, старались убраться с дороги, заставляя толпу колыхаться.

Стоящих на краю платформы скинули в огромный колодец для выхлопных газов под ними.

Разрывающие звуки доносились из под одежды этого человека и темные фонтаны крови окрасили его грудь.

Из разных мест его груди и лица вырос лес

острых шипов, разрывающих его плоть.

Он дико дергался, словно марионетка, управляемая болью.

Толпа закричала в шоке.

В изменениях докера, которые она наблюдала, была гротескная привлекательность.

С самого утра, она десятки раз видела как такое происходит, но каждая буйная мутация отличалась от следующей, ужасающе

притягивая взгляд своим жутким представлением.

"Сейчас!" - крикнул ее компаньон и притягательность зрелища оборвалась как нить.

Он рванул вперед, в его руках появились витиеватые формы искусно выполненного лазгана.

Она затешилась позади него, доставая свое собственное оружие.

Оно было менее причудливым, но таким же элегантным в своей смертоносности.

Толпа отшатнулась, когда он побежал.

Он дотрагивался до них, проводил по ним пальцами и люди отскакивали, как будто обожженные.

От усилия, на его лбу выступили бисеринки пота, несмотря на холодный воздух.

Среди криков и воя, они пробивались через толпу, разрезая ее как океанический хищник разрезал стайку мелководной рыбешки.

Она почувствовала как загрожали ее внутренности, когда загрожала раппа, грузовой люк начал опускаться, готовясь запечатать шаттл.

"Еще двое.

Еще двое", - проскрипел сервитор, хватая за подолы плащей торговца и его любовницу, затаскивая их внутрь.

"Последние.

Больше нет".

Если возникала необходимость, ее компаньон мог передать ей свои намерения короткой мыслью, но они были вместе так

долго, сталкиваясь с похожими ситуациями, что ни одному из них не было смысла обсуждать дальнейший шаг.

Они подняли оружие и выстрелили в затылки торговца и женщины, размазывая их мозги и кости по броне сервитора.

Раб машины автоматически подчинялся программе и выбросил мертвые тела.

"Еще двое.

Последние".

Некоторые люди поняли, что произошло и старались протолкнуться вперед, но к этому времени уже было поздно, женщина и

мужчина нырнули под люк, последовав за остановившимся сервитором, его манипуляторы были полны добычи.

Когда раб закрывал затки, свежая кровь все еще стекала с него.

Кулаки забарабанили по обшивке, глухие удары резонировали по грузовому отсеку.

Внутренности отсека были паутиной перекладин и сеток, за которые вцепились десятки Ориланцев, напуганные, что их

вырвѹт из

улетающего сѹдна еще до взлета.

Она увидела, как сервитор пристегнул себя в пусковом кресле и схватилась за свободную петлю сетки.

Ракетный мотор под ее ногами выбросил пламя, сжигая заживо людей оставшихся внизу.

ПОДНЯВ тѹпой нос к небесам, лихтер вырвался из хаоса костюпорта, пролетев через границу города.

Двигатели трудились, чтоб удержать сѹдно по кѹрсѹ, но по милости Императора, в баках было достаточно топлива, чтоб зажечь

ускорители.

Корабль рванул в воздух, прорываясь через тонкие полосы облаков и чадающие столбы от горящих зданий.

Что-то двигалось в дымке от разрушений, вопреки разносителѹ ветром дымѹ.

Через несколько ударов сердца, черный блеск движения начал падать на нагруженный, воющий корабль.

Это было эфемерным и прозрачным, мерцанием испорченных вод, пламенем открыльев роя насекомых.

Оно задело обшивку судна и покрыло корпус как мокрая краска, скручиваясь в кольца вокруг металлического фюзеляжа.

Ищущая.

Чувствующая.

Стремящаяся найти путь внутрь.

Когда судно поднялось в верхние слои атмосферы Орилана, чернильный саван наконец-то нашел микроскопическую трещину в обшивке.

И с контролируемой, неистовой волей, начал затекать через щель.

ВОНОРОФ чувствовал себя выжатым и больным, как будто бы вжавшая его в кресле пилота перегрузка вытягивала из него

жизненную силу.

Когда чернота костюма развернулась в иллюминаторе кабины, тлетворное зрелище, оставленное позади, все еще

гонитало его, раз

за разом повторяясь перед мысленным
взором.

Деревья за часовней, как выяснилось, по
всей глине открывали зубастые пасти.

Дорожное полотно текло под его ногами.

Его дочь завонила, когда ее глаза
вывалились из глазниц, ее лицо
покрывалось усиками и ресничками.

Как он ни старался, он не мог избавиться
от этих картинок.

Он моргнул.

Он все еще плакал.

К этому времени он плакал уже
достаточно продолжительное время.

Люк позади него начал подниматься и он
вернулся к реальности.

Но нему пронеслась волна паники и он
успокоил себя, наконец-то остелившись
повернуться и пробежаться глазами по
вошедшей

фигуре.

Пилигрим, его лицо было обеспокоенным и

напряженным.

Его шею окаймлял грубый капюшон, обрамляя лысую голову, на которой доминировала электро-татуировка Имперской Аквилы.

В одном ухе блестела единственная серьга чистоты из старого олова.

Вонороф внезапно услышал свой голос.

"Вы не должны находиться здесь, это запретная зона...".

"Не гля меня", - голос мужчины был изнуренным и усталым, но не терпел возражений.

Он втиснулся в кабину и пилот различил за ним еще одну фигуру в проходе, сзади стоял еще один пилигрим.

"Меняет курс", - сказал лысый мужчина.

Вонороф почувствовал специфическое напряжение вокруг толстых, медных разъемов в основании его шеи, там, где извилистые

механогендриты командного кресла лихтера соединялись напрямую с его мозгом.

Тонкое давление подталкивало его волю.

Он почувствовал масляный привкус в несвежем, рециркулированном воздухе кабины.

Со всей откровенностью, когда он поднял корабль в воздух, то даже не представлял, куда собирается лететь, он едва ожидал, что

стоит зайти так далеко.

Грубая, животная потребность сбежать с обезумевшей планеты руководила им с бесцельной энергичностью.

"Куда?" - спросил он, скатившись в положение подчиненного, еще до того, как успел подумать об этом.

Мужчина показал; вдалеке, звездный свет отражался от обшивки судна на высокой орбите.

Прямой машинный код, поданный от когитаторов лихтера подсказал Вонорофу, что это фрегат класса Гладиус, этот тип военных

кораблей принадлежал только Императорским легионам Космогесанта,

Agentyç Astarmes.

"Приближайся к этому судну".

Волна паники охватила пилота.

Фрегат был цвета засохшей крови, красный шрам в небе и даже издалека он мог видеть облака обломков, которые остались от

слишком близко подошедшего корабля.

"Корабль блокады, - слова в спешке слетели с его губ. - они уничтожат нас, даже если на борту нет инфицированных".

"Тут нет заразы", - сказал пилигрим, усталость сквозила в его голосе.

"Делай, что я сказал".

Вонороф отвернулся от иллюминатора и встретился глазами с человеком.

В его глотке мгновенно затерли все аргументы и он понял, что его голова деревянно кивает.

Воля пилигрима легко подавила его и он быстрыми движениями развернул транспорт, выводя его на прямой курс пересечения с фрегатом.

На каком-то уровне, маленькая часть
разума Вонорофа взбунтовалась от такого
внезапного принуждения, но это был слабый
и

тонкий голосок, который протестовал
против доминирующего присутствия
тужчины.

Он вытер блестящий пот с головы и
облизнул пересохшие губы.

Выйдя из кабины он обнаружил свою
компаньонку у входа, она смотрела на него
спокойным, пристальным взглядом.

Он увидел в нем осуждение, намека на это
был столь тонким, что его мог заметить
только тот, кто достаточно хорошо ее
знал.

Он проигнорировал вспышку раздражения,
которая возникла внутри и закрыл люк,
оставив Вонорофа выполнять его приказы.

"Ты подвергаешь нас риску", - сказала она
ему.

"Астартес наверняка уничтожат
шаттл".

Женщина кивком указала в направлении

фрезата.

"Ты видел цвет обшивки.

Кровавые ангелы.

Им неизвестно милосердие".

"К счастью, я не ищущу его".

Она покачала головой.

"Мы должны попытаться тайно приблизиться к внешней лунной колонии и затем..."

Он поднял руку, заставив ее затолчать.

"Марайн, я знаю что я делаю.

Доверься мне".

Ее глаза сузились и невысказанный эмоциональный заряд пробежал между ними.

Вопрос доверия был свежей раной, широко разрывающей между ними.

После глинной паузы, он протолкнулся мимо нее, новый вихрь слабости в его теле.

Марайн наблюдала как мужчина прокладывал себе путь сквозь массу наснеженных пожитков, роясь в глубинах шкафа с

оборудованиет.

"Ты так уверен в себе Ратиус".

Она взглянула на него другими глазами, забавно, что он оказывал на неё такое воздействие, не раз и не два, а снова и снова.

Первый раз, когда Марайн смотрела на него, она боялась Ратиуса, хотя её учителя запрещали выказывать даже малейший намек на это.

Человек, которого она боялась тогда, отличался от человека, которого она была научена уважать; в свою очередь, тот человек

отличался от того Ратиуса, с которым она спала, и который любил её; и вновь, тот был не тот человек, кого она видела сейчас, пьющий воду из бутылки, трогаящий своё лицо так, будто кожа на нём была плохо висящей маской.

"У тебя глаза солдата", - сказал он тихо, призрач улыбки мелькнул на его лице.

"Внимательные."

"Что есть, то есть," - ответила она.

"Это я умею"

Ратиус отвернулся.

"Здесь не война."

"Ты ошибаешься", - сказала ему Марайн.

"Здесь всегда война.

Если бы не так, ты бы не нуждался в ком-либо вроде меня."

Он взглянул в иллюминатор.

"Ты больше, чем просто телохранитель..."

Невысказанная часть заставила ее прикусить губу.

"Когда-то, возможно, но не сейчас.

Этот путь пока закрыт для нас.

Ратиус быстро повернулся к ней.

Была ли та боль в ее глазах какой-то вспышкой предательства? Ожидал ли он, что Марайн примет его сторону во всем этом? Она не

показала никакой реакции, ее выражение лица было совершенно естественным.

ОН ЧИТАЛ ее мысли в ее глазах; он мог полностью открыть их и вывернуть ее

разум наизнанку, если приложить достаточно

психических усилий, но Ратиус был пуст от усилий, хотя он ненавидел признавать это, он чувствовал вину.

Осуждающее лицо Марайн, ее золотистая кожа обрамляла линию губ и темные глаза, они обвиняли его.

Упрекали в его ошибках, в его безумии.

Она винила его во всем, во всем безумии Орилана.

Он не мог поспорить с ней.

Это была правда, его любопытство и высокомерие стоило жизни целому миру.

Марайн приблизилась к нему и он почувствовал волну адреналина, когда ее губы начали шептать ему на ухо, слишком тихо, чтоб

нарушить уединение татбура.

"Ты должен искупить вину, Ратиус.

Признай свои ошибки и проси прощения".

Несмотря на то, что шепот был тихим, это требование было пронзительным как крик.

Он отпрянул, не в силах скрыть внезапный, неприкрытый страх на своем лице.

"Я... я не могу".

Прохрипел Ратиус.

Разочарование Марайн окрашивало слова.

"Ты утреши от рук Кровавых Ангелов, вместе со всеми на этой развалюхе.

До тех пор ты еще можешь подумать над своим покаянием".

Она оставила его размышлять над ее словами, спускаясь обратно в туннель, ведущий в грузовой отсек лихтера.

КОРАБЛЬ имел одно отделение, которое считалось "люксовым", по крайней мере по сравнению с остальными помещениями.

Вдобавок к потертым перегрузочным люлькам, снятым с поврежденного огнем костического корабля и сломанной голосферы для

развлечений, больше лихтеру предложить было нечего.

Кабина была полна людей, каждое сидячее место было занято, каждый дюйм полностью покрытого обивкой пола был

заполнен

людьми.

В воздухе висел густой запах человеческих тел так как вентилятор не справлялся с тиазтами, исходящими от беженцев.

В других обстоятельствах, возникли бы драки, когда люди начали бы захватывать больше пространства, но не в этот раз.

Пассажиры, которые купили или обманом получили свой путь на шаттл Вонорофа были слишком напуганы, чтоб делать что-то еще, кроме как следить друг за другом в поисках изменений.

Мертвая женщина лежала в одном из проходов, ей разтожили череп ботинками ее же соседи.

Как раз перед взлетом она начала корчиться и они как один набросились на нее и убили ее прямо там, где она сидела, в страхе, что

мутации перекинутся с ее тела и наступит их очередь.

Ули страх управлял, никого из них не

волновало, что ее приступить мог быть
вызван чем-то иным.

Никто не постел кашлянуть или
заговорить.

Никто из них не хотел быть следующим.

Этот отсек прилегал к инженерному
пространству.

Целое по всей длине корабля, оно было
полно труб с дыхательной сетью и
трубопроводами, отлученными
загадочными

символами, которые понимали только
Механикус.

Через этот загроможденный канал,
темнота струилась как жидкость,
протекая по любым поверхностям.

Когда она прошла стену кабины, она
замерла.

Она чувствовала там жизнь, очень близко.
Очень напуганную.

Тьма собрала свои края и сжалась в шарик
алмазной твердости, формируя острие
лезвия.

Быстрым движением вонзилась в металл

и проделала там дыру с палец толщиной,
прямо за плечами тучного, потеющего
мужчины.

Удерживаемый весом плоти, он мог
только махать руками и вопить, когда
форма пробилась через его позвоночник и
начала

распространяться по телу.

Перед смертью, он разорвал рубашку на
грудь, а затем тьма прорвалась потоками
из пор его кожи, выворачивая его
наизнанку.

Люди с каждой стороны от толстого
мужчины деформировались как текучий
воск от свечи, отращивая грозди зубов и
глаз, которые

выскакивали из фурунклов.

Реакция была моментальной, все
закричали, начали прогираться, масса
людей, старающихся силой протиснуться в
узкий люк, подальше от волны изменений.

Темнота напала на них, дарю им
разложение и разрывая на части их тела.

Она сформировала рудиментарную часть

из густого потока гноя и изогнулась, выдвывая из сотворенного рта воздух.

Воздух визжал и искажался до тех пор, пока не превратился в узнаваемое слово.

"Ратиус".

МАРАЙН услышала чудовищный голос и ее кровь залегенела.

Улы звучало, как колокол, призрачный стон резонировал по туннелю.

Там, где ее голая кожа рук сжимала скобы лестницы, она почувствовала, как металл под пальцами стал теплеть и изгибаться, превращаясь в плоть.

Воздух в проходе стал влажным, с придыханием, в котором разносился букет гниющего мяса.

Туннель начал колыхаться и двигаться, отращивая ребра и кольца хрящей.

Звук треска костей заставил ее двигаться и она позволила весу своего тела скинуть ее на уровень грузовой палубы.

За ней последовали влажные струйки тягучей слюны, собираясь у ее ног в пенистые лужи.

Он бросила быстрый взгляд вверх, туннель превратился в разинутую пасть, гигантского пищевода мутанта.

Оружие Марайн было у нее в руке, когда она бросилась вперед, расталкивая беженцев с опустошенными лицами.

РАМИУС засек психический след темной твари за мгновение до того, как его физические чувства почувствовали вонь разорванной плоти.

Внутренне он выругался, к этому времени он устал настолько, что его загруженные предупреждениями чувства подвели его.

Усики, как воздушные корни ползли по стенам татбура, пробуя и исследуя.

В местах, где они отрагивались, щупальца разделялись, открывая зубастые губы, окутывая каждую новую находку, как змея, заглатывающая грызуна.

Оружие Рамиуса рыкнуло, в воздухе запахло озоном, когда лазерные разряды иссушали вторгшихся исследователей.

Выстрелы откинули их назад, но это

было только временной отсрочкой.

С холодной честностью он понял, что его ошибки пришли заключить его в свои объятия, понимая, что его надежды убежать и

отрицать случившееся были детскими и не реальными.

Снизу, мутация прогудела в своем ужасном исполнении его имя еще раз.

Бесстрастный аспект его натуры взял управление на себя.

Основываясь на его экспериментах, он грубо рассчитал время, за которое изменение пронесется по шаттлу.

Он понимал, что сейчас снаружи, гладкие металлические линии лихтера медленно превращаются в участки кожи и чешуек.

Ратиус с силой открыл люк в кабину, вложил оружие в кобур и сразу же отбросил робу пилигрима.

Лицо пилота было красным: ему было хуже всех, размышлял Ратиус, соединенный с судном, он чувствовал каждое мгновение

подсветив черные глазницы черепа,
вырезанного на нем.

Вонороф мгновенно узнал очертания
вещи, большая готическая "J" украшенная
рунами и резьбой.

"Астартес, услышьте меня, - провозгласил
лысый мужчина. - 'узнайте мое имя и цель.

Я Инквизитор Ратиус Штель, Ордо
Еретикус.

Мой агент и я в ловушке на борту этого
судна и ты запрашиваешь помощи.

Я ношу священный знак Императора.

Я должен пройти!".

Губы пилота загрожали.

Инквизиторы - это то, о чем говорили
приглушенным шепотом на Орилане; на
улицах ничем не примечательного
внешнего мира.

Вонороф слышал истории о людях,
которые на самом деле видели их, но это
были скорее мифы, чем факты, сплетение
из вранья и

безутной правды.

Он с изумлением смотрел на Штеля, но

тужчина игнорировал его, все его
внимание было приковано к растущим
очертаниям

фрегата.

Это было слишком для его простого,
ограниченного разума.

"БРАТ-капитан", - сказал Симеон. -
Событие".

Тихо поднял взгляд, сияние карты пикт-
планишета создавало злобещее освещение
полумаски, покрывающей правую сторону
его

лица.

В мрачном свете корабельного
тактикариума, дымка гололитического
света от консолей вокруг них придавала
всему злобещий вид.

"Говори, - вечно раздраженным тоном
потребовал он. - Мне уже надоело
отказывать этим инфицированным
беднягам, брат.

Я надеюсь у тебя есть что-то более
важное".

Симеон кивнул.

"Сигнал с этого корабля", - она нажал на
сдвигающуюся точку на карте.

"Коды настоящие и правильные.

Согласно им, на борту Инквизитор
Имперской церкви.

Человек важный и ценный среди Ордо
Еретикус, так кажется".

"В самом деле?" - сказал Тихо.

"Прискорбно.

Убедись, что сервитору присвоят его имя,
так что его смерть будет должным
образом отмечена".

Симеон слегка подвинулся.

"Вы не поняли меня, капитан.

Мужчина требует помощи.

Он просит о помощи."

Тихо поднял бровь из-за дерзости такого
прошения.

"Ничто не покинет Ориан живым,
Симеон.

Таковы наши приказы.

Стрелки держат корабль на прицеле, так
что прикажите открыть огонь".

"Со всем уважением, мой лорд, те приказы позволяют вам действовать на свое усмотрение."

Другой Кровавый Ангел нахмурился.

"Капитан, это прямой приказ от члена Экклезиархии."

"Мы не можем просто проигнорировать его."

Командир Симеона провел рукой по подбородку; его глаза сузились.

"Мы рискуем заразиться, если войдем в корабль", - сказал он, думая вслух.

"Большой риск."

"На борту будут мутанты", - добавил Симеон.

Он хорошо знал Тихо, служил под его началом много десятилетий.

Он почти всегда мог предугадать изменения в настроении капитана, которые были подобны грозovým облакам в небе.

Чуть ранее, Тихо признавал свое отвращение к этой миссии, лучше подходящей для кораблей пикета флота

Ципериума; Симеон ни

на мгновение не верил, что будет трудно
уболтать командира на миссию по
спасению.

В конце концов они Кровавые Ангелы.

Они жаждали и горели ближним боем, а
не этим несерьезным противостоянием.

Он немного добавил масла в огонь.

Если вокс-передачи с планеты чего-то
стоят, органика и неорганика будет
изменяться в хищные формы.

"Я бы изтерил оставшееся время
инквизитора минутами, мой лорд".

Слабая тень улыбки появилась на губах
Тихо и его рука дернулась.

Вот, затем выбор был сделан.

"Возможно мы должны ответить.

Это единственное правильное решение".

Он встал и большими шагами сошел с
командного возвышения, Симеон
развернулся, провожая его взглядом.

"Пусть небольшая боевая группа встретит
меня в телепортариуме.

Скажи им вооружиться для ближнего боя".

Брат Симеон пошел за Тихо, в полушаге от него.

"Капитан, вам нет необходимости быть там лично.

Я с радостью бы занял ва...".

Тихо взглядом заставил его затолчать.

"Есть множество причин, чтоб идти мне".

Нетерпение вступить в битву, даже такое краткое, играло в единственном человеческом глазе капитана.

"Скажи Инквизитору, что его спасение близится".

На его губах опять протелькнула улыбка.

"Мостик на тебе, Симеон".

"МАРАЙН".

Но такому слабому ментальному импульсу она могла сказать, что Ратиус был на пределе своих психических резервов.

Телепатическое сообщение было таким призрачным касанием, что она едва не пропустила его в пылу боя.

Прикладом своего оружия он сломала шею

воюющему, безглазому ребенку тутанту,
пока возилась заряжая оружие свежей
энергоачейкой.

Марайн игнорировала просьбу Штеля
пока перезаряжала оружие, позволив ему
взглянуть ее глазами на происходящее.

Она разрешила ему прочитать ее
поверхностные мысли, это было проще,
чем ответить ему словами.

Беги ко мне, быстро.

Угум Астартес.

Оставь этих людей, они уже мертвы.

Ее лицо скорчилось в гримасе.

"Беги к спасательной шлюпке!, - крикнула
она незатронутому. - Оставь все и беги!"

Огнет она взяла в вилку волочащую ноги,
деформированную тварь, но чем больше
она убивала, тем больше их возникало из
паникующих Орилан.

Этот бой был проигран.

Злобным криком, она заставила пожилого
человека влезть в ближайшую
спасательную шлюпку, стараясь не

вдаваться в логику

своих действий.

Убеждения Марайн подпитывались ее виной и ответственностью, даже когда часть ее старалась забыть, что пассажиры могли точно

так же мутировать в спасательной шлюпке, как и везде.

Даже если шлюпка действительно стартует, какая в этом польза? Дрейф в космосе, где беглецы задохнутся или будут сбиты, и даже

если они каким-то чудом опустятся на планету, что там ждет их, кроме новых способов умереть?

Ратисү до сих пор был у нее в голове, пролистывая ее мысли, как страницы в книге.

Она показала ему твердую решимость устоять, по крайней мере до тех пор, пока эти бедняги не сбегут с этого корабля смерти.

Ратисү потянул ее воспоминания, напомнил ей ее преданности ему; с диким

ментальным ударом она выкинула его, ее щеки пылали, а на

глаза навернулись горячие слезы.

Марайн почувствовала его шокированное понимание, того, что она отвергла свою непоколебимую верность ему.

Чувство долга охранника, опередило вероломство Штеля.

Он увидел вещи, которые никогда даже не остеливался искать, когда она показала ему настоящую себя, сомнения и страхи, которые

она от него прятала.

Ее тренировки хорошо оправдали себя, и никогда ранее Инквизитор не подозревал, что Марайн испытывает к нему такую неприязнь.

Женщина давно знала о настоящих природе его исследований, о темных, запрещенных экспериментах, которые он проводил.

Она знала и ничего не сказала, в этом выражалась ее собачья преданность, посвященная ему.

Но теперь всё изменилось: Шмель зашел слишком далеко и Марайн больше не будет молчать.

Он видел ее намерения выдать его Ордо Еретикус, обнародовать печальную историю его преступлений.

Если она выживет, она сдаст его.

Марайн чувствовала, как он покидает ее разум порывом психического холода, печальный, грустный ветер затихал.

РАМУС был поражен воздействием того, что он почувствовал и окатил кабину воплем.

Он чувствовал опустошенность.

Марайн, единственная неизменная скала в океанах его сомнений и она выбрала предательство.

Он потряс головой.

Может быть она не поняла? Он никогда не хотел, чтоб дела вышли из под контроля!

Он только хотел изучить, постичь.

Неужели ей это так сложно было понять?

Разве поиск знаний делает его предателем? Он почувствовал тошноту,

когда понял, что

для Марайн ответом будет - да.

Пилот резко упал вперед, утирая вместе с кораблем.

Штель проигнорировал его, проигнорировал растущую влажность в атмосфере, когда металлический шаттл медленно превратился в

мясистые желудки и воняющие кишки-отсеки.

Он чувствовал всепоглощающее отчаяние, которое блокировало все остальные чувства.

Все пошло не так и теперь она отвергла его.

Быстро возникнув его эмоции, так же быстро превратились в жгучий гнев.

Как она постела? Как постел простой солдат судить Ратиуса Штеля?

То, что она была его любовницей, не давало ей права критиковать его самого или его методы.

Так тому и быть.

Она отринула его совет и он так же

поступит с ней.

Позволив ей остаться на этой разрушенной барже и умереть с остальными несчастными.

Внимание Штеля была отвлечено собственными, расстроенными мыслями и он не увидел произошедшее, пока не стало слишком

поздно. Подергивающееся тело Вонорофа творило что-то отвратительное и прохрустев, его кости молниеносно развернулись в

своих пазах, появились новые, усеянные клыками пасти.

Пилот-тумант прыгнул на него и Ратиус подался назад, но идти было некуда.

Атака существа выбила лазган из его рук и до того, как стог вызвать хотя бы искру психических сил, оно запрыгнуло на него, вбивая

его череп в палубу.

Оно кричало и тараторило, слова превращались в мешанину нечленораздельных звуков.

Цветные спирали поплыли перед глазами Ратиуса и воздух покинул его легкие, кровь заливала глаза.

Он смутно понял, что кто-то еще вошел в судорожно сжимающийся отсек, кто-то огромный и смертоносный.

Его разум на миг коснулся грани холонокровного интеллекта убийцы.

Болтающийся мутант встал на дыбы, готовый разорвать его глотку и так же быстро взорвался брызгами багрового гноя.

В ушах звенело, зрение сузилось, Шмель едва смог скинуть с себя дымящийся труп мутанта, когда огромная фигура появилась в поле зрения.

Он вытер залившую глаза кровь, чтобы увидеть мерцающие медью и темнокрасным поножи, которые заполнили его поле зрения.

Наверху бронированной крепости было лицо, которое наполовину было из бледной плоти и наполовину из отполированного золота.

Настешка израла на губах высокой фигуры.

"Верите его", - прогрохотала она.

"Там до сих пор еще есть живые, на нижней палубе лихтера".

Второй голос исходил от красного гиганта, стоящего в люке.

"Как быть, мой лорд?"

"Спаси кого сможешь", - сказал мужчина с половиной лица, слова последовали за Ратиусом в темноту потери сознания.

"Остальных перестрелять".

ЕГО разум плавал в пустотах кристаллического океана, острые зубцы воспоминаний и чувств разрывали его, иглы размышлений

впивались в душу Инквизитора.

На каком-то уровне, он понимал, что его материальное тело находилось на границе комы, его психическая сущность была дезориентирована и сломана, блуждая в пустотах его души.

Он чувствовал кипение и бурление этпиреев за гранью реальности, изтерения

варна, где жили непостижимые существа.

Хотя он и боялся их, в нем оставалось много от Рамиса Штеля, жаждущего познать этих существ, узнать что они такое.

Ему было слишком знакомо это чувство.

Именно это стремление привело к разрушению Орилана.

Там был смех.

Жестокий и издевающийся, забавляющийся его тяжелым положением.

Штель пытался отстраниться от него, но он находил его, где бы он не прятался.

"Посмотри, что ты натворил", - слова были дыханием трупов.

"Не прячься от этого, Инквизитор.

Узри это.

Признай свои собственные деяния!"

Разум Штеля вновь очутился в библиотеке, силой отброшенный назад во времени, в момент, когда все только начиналось.

Также библиотека была местом в

котором он первый раз взглянул на свой огромный потенциал.

Это было на Арио, после сожжения еретиков Симбаса; там были гвардейцы, сжигающие склад с богохульными текстами, Ратиус

остелился прочитать том, который упал открытым к его ногам.

Какая мелочь, это была всего лишь случайность.

Он просто взглянул, просто постел
взглянуть.

И то, что он прочитал, даже взгляда...

То, что он увидел, посеяло семена пылко
интереса, лелеемого радикализмом,
который уже обосновался в его сердце.

С годами, он все больше разочаровывался
немоцностью Экклезиархии и
безмозглостью своего начальства, Ратиус
скрывал свое

отвращение, пока искал запретные знания
и проникал в великие глубины псайкерского
колдовства.

"Ты помнишь тот день, когда я заговорил

с тобой?" - голос был таким же
увлеченным, как и в первый раз.

"Ты думал, я был сном.

Но я был ветром перемен в твоём
ограниченном разуме.

Я раскрыл тебя, Ратиус.

Ты приветствовал меня".

Возможно это была иллюзия, подумал он,
следствие его повреждений.

"Ты знаешь, что это не так!"

И тогда он почувствовал имя этого
существа в своём разуме.

Малфаллакс.

"Да".

Жаркое давление толкнуло воспоминания
Штеля в секретную пещеру под старым
храмом Орилана.

В место, в котором началась смерть
планеты, часами ранее, днями.

"Ты был не готов.

Слишком нетерпелив.

Посмотри к чему это тебя привело".

Инквизитор наблюдал события,

разворачивающиеся перед ним, как будто
он был пассивным наблюдателем, просто
зрителем

какой-то причудливой театральной
постановки; он бесплодно боролся, как
будто каким-то образом мог вернуться
обратно во

времени, чтоб предупредить себя не
начинать Ритуал Переплетения.

Он допустил ошибку.

Оглядываясь назад, теперь ему было все
понятно, один единственный слог ритуала
был произнесен неправильно, акцент на
повышающейся глоттальной паузе, вместо
слабеющего фрикатива.

Мелочь.

Но этого хватило, чтоб освободить тварь
Тзинча, которую он призывал в пещеру.

Штель наблюдал, как это происходило
снова, чувствуя, как его мучитель
забавляется его корчами.

Он видел самого себя, шагающего внутрь
круга с восьмиконечной звездой внутри.

Затем долгое и жестокое убийство

бродяги, чтоб обрести кровавое причастие.

И наконец пришествие воронки, роящихся теней принимающих очертания в центре каменного основания.

Его увлеченное выражение восхищения сменилось внезапным ужасом, когда оно ударило, превращая камень и металл в

скрежещущие зубы, разрывая слабые охранные круги, которые, как он был уверен, должны были удержать его.

И дальше к городу, в поисках пищи.

Кричащее.

Расплывчатое.

Свободное.

Слабое отрицание сформировалось в разуме Ратиуса.

Откуда я знал? Это была случайность! Он не натеревался освободить тварь, только поймать и изучить чудовище, чтоб постичь

природу Лорда Изменений.

Малфаллак улыбнулся.

"Ты обманываешь себя, Шмель.

В глубине своего сердца, ты хотел освободить ее.

Часть в тебе ненавидит старый порядок, сдохнувший в равновесии и статике.

Ты жаждал изменений и метаморфоз".

Когда он попытался найти способ возразить, Ратиус обнаружил, что его мысли затерли от проклятой правды в словах этого варна существа.

"Если это не то, что ты хотел, ты мог бы отойти от края пропасти.

Ты выбрал иное.

Готовность принести женщину в жертву, вот и все доказательства, в которых я нуждаюсь.

Ты хотел этого.

Ты желаешь знать, каким образом Малфаллак пересилил тебя".

Душа Штеля отшатнулась от ужасной, непреклонной реальности.

"И со своим собственным страстным желанием, ты сам вступил в мою добровольную когорту".

Стех затих и он позволил кроваво-теплой
темноте поглотить себя.

КРОВАВЫЕ ангелы ввели выживших в
выпускной отсек фрегата, согнав их в
плотную группу в центре.

Медицинские сервиторы зондировали и
исследовали их, пока Костодесантники с
заряженными болтерами бдительно
кружили

вокруг несчастных.

Они все предполагали, что умрут на
шаттле, но быть спасенными этими,
общитыми в кроваво красное гигантами
было равноценно

спустившейся руке Бога-Императора,
которая вырвала их из клыков смерти.

Паника и ужас были затенены другим
страхом, рожденным из почтения и
благословения.

Люк в стене раздвинулся, выпускающая одного
из офицеров Симеона, молчаливого
кодиция в голубой броне, его седина точно
передавала его возраст.

Костодесантник сделал пару шагов вперед

и внезапно пораженно затер, его рот приоткрылся.

Один из Кровавых Ангелов, охранявший беженцев, заметил его реакцию и поспешил к нему.

"Брат Барон, что-то не так?"

"Демон!" - внезапно выкрикнул Барон, его палец показывал на невзрачную женщину в порванном вечернем платье, плавно покачивающуюся из стороны в сторону на фоне остальных спасенных.

Канаты мышц вздύлись на шее псайкера, когда его сверхъестественное чутье уловило психическую вонь чего-то чудовищного, скрытого внутри ее плоти.

Другие выжившие бросились от нее в разные стороны, когда женщина вздохнула, каждый из них слишком хорошо был знаком с тем, как происходят изменения.

Ее тело задергалось и начало сдύваться, стискаясь само в себя.

Рой черных пылинок вышел у нее из глаз, ноздрей, ушей и рта.

Кровавые ангелы рефлекторно открыли

огонь, убивая тех, кто был слишком медлителен, чтоб отскочить, поливая очередями болт

снарядов трүн-вместилище.

Мертвая женщина разлетелась токрыми ошметками быстро разлагающейся плоти, но темная тварь уже была на свободе.

Она кружилась, похожая на столб жидких теней и бросилась на псайкера Космогесанта, став сияющим копьем.

Барон сразу же собрал все свои силы и направил свое Ускорение в ментальный щит; на мгновение он подумал, что этого должно

хватить.

Сила убийственной, демонической атаки разбила его эфемерную защиту, как хрупкое стекло, расплавляя кератит нагрудной брони и

разрывая его изнутри на глинные и кровавые полосы мяса.

Тень накрыла все, растаскивая кровь и внутренности Барона, с ожесточенной энергией обезглавливая кричащих рабов

Ордена, наслаждаясь беспорядком, который
она навела.

В Хирургической фрезата.

Штеля выкинуло в сознание.

Он соскользнул со смотрового стола, на
котором лежал, разбрасывая подгоны с
инструментами и раскидывая в стороны
склонившихся медицинских сервиторов.

"Оно здесь, - выплюнул он. - на борту
корабля!"

ТЕНЕВАЯ тварь изменяла плоть людей и
Астартес, убивала их, заставляя их тела
принимать новые, нечестивые формы.

Некоторые утирала, когда их кости и
органы против воли изменялись в
восьмиконечные звезды и символы
ненависти.

Демон наслаждался таким развлечением,
но это было вторичным по отношению к
главной причине, которая завела его так
далеко.

С хриплым вздохом, он откинул свои
игрушки, тварь собрала достаточно пищи
из иссохшихся трупов.

Он выплыл в коридоры фрегата, разукрашивая стены на своем пути инфекцией и гнилью.

Он оставил нескольких выживших тут и там, чтоб они рассказывали о том, что он сотворил; не было смысла делать такое великое

дело, если никто не выживет, чтоб его засвидетельствовать.

Вниз по палубам, маневрируя и тертая, огибая баррикады и наспех возведенные печати библиариев Тихо, он просачивался через

микроскопические трещины в металле и керамике, двигаясь вперед и пробуя на вкус тощ, разлитую в воздухе.

К бьющемуся сердцу корабля, мимо запоров из тяжелого, ядовитого фазированного железа и жалких духовных дефлекторов, тень

наконец-то вошла в святыню костических двигателей фрегата.

Техножрецы, которые никогда не остеливались выйти за границы ядра

двигателя были разбросаны, лепечавшие
молитвы Омниссии или
рыдающие кровью.

Технопровидцы, размахивающие
инструментами, как оружием и визжа-
ющие на том же месте.

Демон принял ступенчатые очертания
человека и двинулся к огромным
цилиндрам варн двигателей, пробираясь
вперед по
направленным, пергаатиновым ножкам.

Под кожей могучих приводов,
технология почти похожая на магию
кипела и бурлила, огромные силы внутри,
способные

преодолеть законы вселенной едва
сдерживались слабыми органическими
существом, которые мало понимали об
их настоящем
потенциале.

Существо улыбнулось и изменило форму
делаая себя тонким, отражаясь до
материи двигателей и постепенно
изменяя их.

Оно медленно просочилось в плоть и металл и начало строить себе гнездо.

КАПИТАН Тихо пришел к нему в конце концов, как Штель и ожидал.

Он видел как угрюмый свет плавающих светосфер ласкал маску, точно подогнанную к щеке Тихо и задавался вопросом о том, что же

Астартес скрывал под ней.

Он извлек слухи и свидетельства из улов илов Оргена во врачебной палате - что-то неопределенное о ранении, полученном во

время боя с орочьим псайкером.

Если это было так, то не удивительно что брат-капитан скрывал своё увечье.

Эстетические чувства любого Кровавого Ангела были бы оскорблены подобным видом.

В другой ситуации, если бы Штель не был так изнурен от всего узнанного, он, возможно, смог бы извлечь всю историю прямо из рта

Тихо; но Ратиус не хотел рисковать

таким вторжением, не сейчас, когда его жизнь зависела от доброжелательности Сынов

Сангвиния.

Капитан не стал впустую тратить время на вступление и пригвоздил его твердым взглядом.

"Что за чудовище попало на борт моего судна, инквизитор? Скажите мне, какое безумие разворачивалось на Орилане, что оно

смогло породить что-то, столь ненормальное?" Его лицо - та часть, которую Шмель мог видеть - было сковано твердой гримасой.

Ратиус выверил каждый свой жест с умением и тщательностью, которую вдолбили в него ещё в те дни, когда он был инквизитором-учеником.

Всего один намек на ложь и он будет выкинут в костос. Тихо мог так поступить и сказать, что Шмель был поглощен Хаосом; он

сомневался что кто-то из людей

капитана бросится на защиту слуги Ордо
Еретикус.

Они уважают только грубую силу,
напомнил он себе.

Чтобы повлиять на них, мне придется
продемонстрировать её.

Он издал рассчитанный вздох раскаяния,
достаточно глинный и глубокий, чтобы
сойти за правду.

"Капитан Тихо, если бы вы видели то,
что видел я..." Он печально покачал
головой.

"Тезда культистов наводняли все уровни
города - улья.

Мне жаль... моя собственная
осторожность привела меня к ним
слишком поздно.

К тому времени, когда я добрался до их
тайного логова, они уже вызвали
существо."

На самом деле Штель за несколько недель
до прибытия на планету сфабриковал
доказательства, чтобы замести
собственные следы, изобрел десяток

фальшивых личностей и
сфальсифицировал проверку, которая
"доказала" присутствие культа Тзинча в
столичном
улье Орилана.

"Я убил их всех, но это победа ничего не
значила.

Порча уже была призвана."

Тихо наблюдал за ним. Тело Костического
Десантника, словно отлитое из камня,
было так же неподвижно, как и его
металлическая
маска.

"Вы привели это сюда."

Это было утверждение, а не обвинение.

Кровавый Ангел, казалось, чувствовал,
что инквизитор лжет о чем-то.

В конце концов, это было частью природы
оргос; ложь для таких, как Штель была
тем же, что и броня для Оргена Тихо.

"Много моих солдат, некоторые мои рабы,
неисчислимое множество моих
сервиторов... Все лежат мертвые и
оскверненные рукой

этой... твари.

Тех, которые не утерли сразу, я был вынужден прикончить."

Он приблизился на шаг и Штель подумал, что может чувствовать запах несвежей крови.

"А теперь оно грызет сердце судна, как собака кость с мясом."

Когда капитан потребовал следующее, инквизитор с внезапным шоком ощутил поверхностные мысли Тихо.

"Я хочу чтобы этот демон был изгнан с моего корабля, Лорд инквизитор.

И вы поможете мне достичь этой цели."

Штель немедленно подавил свою реакцию.

Последнее, чего ему хотелось, так это ещё раз оказаться в одной комнате с демоном; но сейчас отказ слишком походил бы на

трусость и лишил бы его той толлики почтения, которую давала ему его высокая должность.

"Капитан, со всем уважением, должен сказать что это существо - один из самых

сильных демонов, с которыми мне
доводилось
сталкиваться.

Это самый смертельный враг, сама
сущность изменений и мутации.

Оно процветает в беспорядке и ..."

"Хаос?" - лязгнул зубами Тихо, его голос
звучал, как треск хрупкого льда.

"Я хочу чтобы оно умерло, и вы, Шмель,
поможете осуществить это желание."

Теперь он мог ясно ощутить в разуме
Тихо жажду крови.

Освобожденная ярость, остро жаждущая
бросится в сражение.

"Или я должен предположить что те, кто
уверяли меня, что люди вашей
организации совершенно бесхребетны перед
лицом

заклятого врага, были правы?"

Глаза Шмеля сузились.

Что-ж, придется поиграть в игры воинов.

"Я предупреждаю вас, капитан, оставьте
при себе досужие слухи.

Я так же верен Императору, как и вы!"
Ложь его была так же гладка, как
полированное стекло и Ратиус
чувствовал, как внутри, в
животе, собирается лед.

Его верность присяге перед Золотым
Троном уменьшалась с каждым
пролетающим днем, входя в противоречия
со сладким нектаром
обещаний варна.

Нерв дернул его нижнее веко; несмотря на
свои страхи он знал, что все ещё хочет
столкнуться с демоном, познать его.

"Хорошо", - сказал Костицкий
Десантник, оборачиваясь через плечо к
своему заместителю.

"Симеон, верните Инквизитору лазган и
подготовьте отряд."

"Как пожелаете", - сказал второй офицер.
Призрачный улыбки вернулся на лицо Тихо.

"И убедитесь, что люки за нами закрыты."
ОНИ начали спуск в причудливый ад, в
коридор ночных кошмаров.

То, что встречалось в коридорах палуб

двигателя, затмило превратившихся в
желудки мутантов, которых Шмель
видел на Орилане.

Тонкие и туго натянутые образования из
кожи и костей покрывали стены и
вздыгались на невозможную высоту.

Ужасным было то, что многие из
мясистых форм были ещё живы. Одни
стонали, другие плакали.

Ратиус двигался между высоких
бронированных фигур Кровавых Ангелов,
шедших вперед в жестко
регламентированном порядке, со
стоической осторожностью.

Вместе с лазганом, Симеон вернул ему
его почищенный и заламанный
бронезилет.

Он чувствовал у себя на плечах его
тяжесть и теплоту, и, перебая край
выступавшей из шелковистого жилета
керамитовой пластины

понимал, что он, в любом случае, не
спасет его от прямой атаки.

Его пристальный взгляд бежал по

останкам технопровидцев, очарованный
необыкновенной изобретательностью
открывающегося
всего.

Демон становился лучше в том, что он
сделал, как художник, пробуя свои силы
на новой сцене, способный теперь вызвать
большой ужас от изваяний из плоти своих
жертв.

Шмель хотел знать, как это было
сделано.

Он хотел знать, как человек мог взять
живую плоть и сформировать такое, или
просеять ее через пальцы, как сухой песок.

Некоторые останки (Ратиус понял, что
думает о них именно так) все еще
двигались и они потянулись к отряду
Космогесантников.

Тихо прокладывал путь через них,
разрывая их деформированные формы
вспышками смертельного огня из своего
кобальто-орудия.

Мельта вспыхивала, попадая в тех, кому
не хватило рубиновых расчерков лазера из

его рукавиц.

Они кричали и утирали, сваренные заживо
топили о пощаде.

Выражение лица капитана Кровавых
Ангелов было трачным.

Шмель чувствовал поверхностные мысли,
когда Тихо отгонял любые воспоминания о
людях, которыми раньше были эти
существа.

Сырые, кровавые залы были красны, как
обнаженная плоть и сталь вокруг них
превратилась в арки влажной кости.

Слабый оранжевый свет проливался
сияющими бассейнами.

Металлическая броня Тихо, делала его
похожим на бронзовую статую, которой
стало слишком скучно на постаменте и
она

спустилась вниз, в поисках смертельного
противника.

Чем глубже они уходили, тем сильнее
были рвотные позывы от этого шоу
уродства.

Мутанты атаковали маленькими

группами, волнами, которые накатывали и отступали.

Возможно они жаждали боли или просто искали забвения в небытие; Шмель дозированно касался их разума, где искал что-то, отличное от сердцебиения демона. Искал и нашел.

Кровавые Ангелы вокруг него дрались не испытывая жалости, со страстной яростью поливая огнем существ, которые часами ранее были слугами их Оргена.

Инквизитор прижимал свой ладан к груди, как защитный талисман, время от времени остеливаясь выстрелить во что-то, что привлекало его взгляд.

Они прошли мимо хлопающей резины, которая напинала клапана сердца и затем вошли внутрь ядра.

Чудовищная геометрия и ряды костяных балок над ними, блистали новыми форматами изменений.

Очертания машинного зала теперь были

покрыты колыхающимися слоями кожи,
останки десятка технопровидцев были
освежеваны и

слиты воедино; невозможно было
разглядеть, где заканчивался фрегат и
начинался монстр.

Сконцентрировавшись, он позволил своим
сверхъестественным чувствам пронестись
по залу.

Оно было там, отдыхающее в гнезде из
костей.

Штель нашел сердце существа своим
внутренним зрением, ощущая коллекцию
туманных, чужеродных мыслей внутри
грубого ствола

из плоти, покрывающего дольмен главного
реактора.

Тихо следил за его реакцией и прочитал
из нее все, что ему было нужно.

"Там!" - закричал он, указывая вверх.

"Огонь!".

Кровавые Ангелы бросились в бой стреляя
и забрасывая гранатами демона, в ответ
тот вытащил извилистые руки,

покрытые зубами

и шипами, скашивая костюгесантников.

Штель откололся от группы и пока
утирали люди Тихо, стал искать
убежище, их рвали на куски и
обезглавливали; некоторые были

быстрее, они разрывали когти силовыми
кулаками, отстреливали их болтерами.

Черная, маслянистая кровь била струей на
колыхающуюся палубу и тварь Тзинча
завопила.

Ратиус нацелил свое оружие, но
заколебался, его палец затер на спусковом
крючке.

Он был восхищен невыносимыми
очертаниями монстра над ним.

Он был восхищен, что такие вещи можно
было сделать и это был только слуга
Малфаллакса, который в свою очередь был
всего

лишь князем детонов.

Штель не видел хаоса или порядка, он
видел только невероятную силу,
достаточную, чтоб перестроить

галактику, если только с ней

справиться.

Он потерялся в этих мыслях, не замечая бой вокруг себя.

Шлем, все еще с головой Космогесантника внутри подпрыгивая остановился у его ног и перед ним размыто скользнули бронзовые

очертания Тихо, отпихивая Инквизитора в сторону, когда паучья тварь из пучка сухожилий рыча, попыталась разорвать его когтем.

Кровавый Ангел убил ее веером болтерных снарядов и Шмель моргнул, возвращаясь к реальности.

"Чего ты ждёшь? - зарычал Тихо. - мои люди мертвы и только остались в живых! Свори свое колдовство, псайкер, иначе ты мне

бесполезен".

Отвлеченный, всего лишь на мгновение, брат-капитан пропустил приближение тупого молота из толстой плоти.

Мясистая кувалда ударила его в голову и

Шмель застыл как вкопанный, глядя как Тихо отлетел в сторону, как отброшенная тряпка.

Воин Кровавых Ангелов выбил кусок стальной плиты и рухнул на палубу с громким лязгом потятого металла.

Шмель бросился к нему, в нем росла паника.

Тихо был единственным, кто мог защитить его от того, что он выпустил на Орилане, без Кровавого Ангела, у него не было ничего, ни брони, ни защиты...

"Капитан!" - Рамиус тряс Космогесантника, но Тихо не отвечал.

Воин оставался неподвижным, но его грудь все еще поднималась и опускалась в неглубоком дыхании.

Значит без сознания, но все еще живой.

Он увидел, что колби-оружие Тихо валяется на полу и сделал полшага к нему.

Мысль о том, чтоб взять его самому, утерла в его разуме, оружие было настолько массивным, что он никогда бы не смог его поднять.

Холодный страх и покалывающий
адреналин заполнили тело Шмеля.

Он огляделся в поисках возможности
сбежать и вместо этого обнаружил
выводок мерцающих глаз, смотрящих на
него с вершины
деформированных башен.

Оно медленно и неуклонно тянуло к нему
руки.

Волнообразные конечности блуждали
вокруг него, незаинтересованно стуча по
бронированной Тихо, царапая пол.

Ратису видел, что они были сделаны из
человеческой плоти, он увидел татуировку
раба, на одной удлиненной, ударной руке.

"Человек", - сказал демон, голос разносился
эхом с отголоском своего отдаленного
хозяина.

"Что ты теперь будешь делать?"

Через огромную необозримость,
Малфаллак управлял теневой тварью,
как марионеткой, разговаривая с ним,
через нее.

"Если страх это все, что у тебя есть,

тогда твоя жизнь закончится здесь.

Если нет..."

У Ратиуса появилось внезапное впечатление, что ему что-то предлагают.

"Я боюсь, - сказал Штель вслух, - но я более жаждущий, чем напуганный.

Жаждущий знаний."

Трачный стех загудел в грожащих стенах.

"Какая жадность.

Ваш вид практически бездонный сосуд для нее".

Часть из грозди глаз отделились от огромной массы, превращаясь в тонкую тень и спустились вниз, к нему.

"Путь разветвляется перед тобой, Штель.

Отринь меня и утри или прили мое благословение и иди по Пути Перемен".

Когда Ратиус замешкался, тень застыла перед ним, обретая ступенные очертания человека.

"Ты хочешь знать, не так ли?"

Вопрос заставил его рот наполниться слюной.

"Нет лучше путей, чем тот, который я предлагаю.

Прими его и твой разум будет открыт для зрелищ, о которых ты даже и не мечтал".

Шмель закрыл глаза и почувствовал, как кивнул.

Разве когда-нибудь у него по-настоящему были сомнения? Теперь, когда предложение лежало перед ним, разве он когда-нибудь собирался отвергнуть его? Нет.

Ратиус почувствовал безразличный, оживляющий порыв, когда толика сущности Малфаллакса вошла в него и обосновалась в его разуме.

Твердые семена тьмы сформировались в центре его души и, что самое странное, он почувствовал себя свободным.

Марайн.

Он изгнал ее, как последнее сожаление.

последнюю связь, которая соединяла его с человечеством.

Она так долго была голосом его совести... но теперь он понял, что это только мешало ему достичь величия.

А потом появился голос.

"Ратиус!" - он развернулся на каблуках, резкое головокружение отвлекло его от окружающего мира.

Голос из могилы? Даже если он изгнал ее из разума, он слышал слова Марайн.

Он недоверчиво наблюдал, как она пересекала зал перед ним, с оружием в руках, слезы струились по ее загорелым щекам.

На мгновение он подумал, что она была видением, возможно ментальным призраком, вызванным демоном, чтобы постыдиться нас

ним, но в следующее мгновение чистая энергия того, что возматил внутри него Малфаллак с силой выстрелила через его душу и он

прочитал ее как книгу.

Ратиус мгновенно понял, она выжила -
очень мило с ее стороны - и попала на
корабль вместе с другими из шаттла.

Но возникшая, при ее виде радость,
исчезла, проглоченная касанием его нового
хозяина.

Его привязанность к ней была поглощена,
рассеяна.

Нахлынувшая волна обиды поднялась и
затем спала под тяжестью его нового
понимания.

Она направила свое оружие на него.

Да, он понял.

Она последовала за Костогесантниками
по кораблю, преследуя его.

"Еретик!" - крикнула она.

"Мне противно даже думать, что я была с
тобой! Ты отбросил все, чему присягал!"

Суровый и горький стех всплыл из глубины
груды Штеля.

В нем не было веселья, только темное и
страшное знание его собственной души.

"Марайн, ты не понимаешь.

Ты так ограничена в своем видении, ты не можешь увидеть..."

"Я вижу достаточно!" - проревела она.

"Ты предатель!"

Сложные, шелестящие нашептывания демона связались в богохульный хор над их головами.

Инквизитор знал, что Малфаллак наблюдает за ними обоими, наслаждаясь горькой ненавистью, излучаемой женщиной, будто редким и тонким вином.

Тварь не втешивалась, наслаждаясь тем, как все происходило.

Он вновь произнес имя Марайн и сделал шаг к ней.

"Никто не знает меня так, как ты.

Ни одна живая душа не выказывала мне такой преданности, как ты.

Не останавливайся и сейчас."

Он протянул к ней руку, под поверхность кожи роились и двигались черные точки жидкости.

"Отбрось свои сомнения.

Присоединяйся ко мне.

Мы можем отвергнуть ничтожный
диктат Императора и идти своим
собственным путем.

Вместе."

Шмель верил в каждое свое слово, он
стоял на краю чего-то невероятного и
уговорить ее пойти с ним... чтоб
разделить, это было бы
великолепно.

Был момент, он видел это, как яркий
рассвет в ее разуме, когда Марайн
позволила себе рассмотреть согласие с его
предложением, но это было короче, чем
мгновение.

Она колебалась на грани согласиться с
этим, только для того чтоб быть с ним
опять, только чтоб выполнить указ
заложенный в нее

с самого рождения, но затем цвет этой
мысли угас и раскаленная до бела
ненависть развернулась в этом месте.

Грубая пасть ее пушки танцевала перед

ним и у него не было сомнений, что она
нацелит ее в такое место, чтоб убить его
одним

выстрелом.

Марайн обронила грязное ругательство,
ее губы скривились.

Затем он получил свой ответ.

"Нагшая шлюха Губительных Сил, -
закричала она. - ты отважился отвернуть
меня от Бога-Императора! Я убью тебя!"

"Тогда сделай это", - эхом прозвучал голос
демона, наконец-то рискнувшего
заговорить.

"Но она не может, или может? Человеку,
которому она клялась своей жизнью
защищать бога-трупа, она клялась
подчиняться и

теперь она должна уничтожить тебя,
чтоб утиротворить другие мысли".

Все рты Малфаллакса улыбались.

"Какая вкусная боль."

"Марайн..." - начал Штель, но ее ответом
был шторм огня и ярость на лице.

"Пошел ты!" - она плюнула в него, выпуская

очередь зажигательных патронов ему в
грудь.

Штель завыл и разорвал свой шелковый
жакет, когда тот занялся огнем.

Пули, которые бы раньше разорвали его,
деформировались и отклонились от него,
темная сила мутации внутри него
зарядила его

душю чужовицной силой.

Инквизитор открылся тьме и наполнился
яростью.

"Ты неверующая сука!" - прогремел он.

"Ты ничто для меня!" Слезы гнева и боли
текли по лицу Марайн, когда она
разрядила в него свое оружие.

Она достала свой изогнутый нож и
собралась проткнуть его сердце.

"Нет!" - выкрикнул Штель, возможно это
был плач о ней или о себе, но результат
был одинаков. Вызванный из самого варпа,
туман

чистого, пурпурно-белого огня сверкнул с
пальцев Ратиуса и окутал тело воящей
женщины.

Это заняло долю секунды.

Марайн скрутило, превратив ее в темно-серый эскиз на фоне вспышки, а затем в пепел.

Затем в ничто.

Демон застыл, голос звучал громче и громче, пока не ударил в разум Шмеля, настехаясь над ним, над его растущим безумием.

"Молчать!" - он исторгнул из себя крик, который пронзил воздух и пространство, адский разряд, который убил Марайн, усилился

тысячекратно, на одно, короткое мгновение Инквизитор превратился в торнадо психических сил и одним ударом разорвал

теневого-демона.

Когда сила улеглась, он упал на колени среди разлагающегося мяса и заплакал.

ПОСЛЕДСТВИИ Симеон пришел в каюту, которую они выделили ему, и неглубоко поклонился.

Кровавые Ангелы теперь относились к

нелю и иначе; вопреки приказам командира,
Симеон последовал за Тихо на
двизательные

палубы, а не запечатал их за ним.

Именно он обнаружил Шмеля, присевшего
у тела брата-капитана, в то время как все
вокруг них были мертвы и разлагались, а
вяжущая сила теневого существа исчезла.

Раны Тихо были серьезными, и даже
сейчас, дни спустя, он все еще лежал в
лечебном трансе, но Симеон сообщил ему,
что

Кровавый Ангел будет жить, чтобы снова
сражаться, в немалой степени благодаря
помощи Инквизитора.

Он кивнул, сдерживая лживую улыбку.

Ратиус удивился; мог ли Малфаллак
предвидеть этот поворот событий? Когда
Кровавые Ангелы вошли, чтобы
обнаружить, что

демоническое присутствие изгнано и
только он и Тихо остались в живых,
именно Симеон предположил, что Шмель
использовал свои

способности, чтобы спасти их корабль.

Вынудил ли его Малфаллак уничтожить своих аватар, чтобы укрепить уважение к нему среди этих Астартес? У него не было

возможности узнать; но Ратиус всегда имел нюх на обстоятельства и знание, как повернуть их к своей выгоде.

Тихо был в глубинах бессознательного, пока Штель заключал свой договор с Варпом, ни одна живая душа не знала, что произошло

в машинном отделении, и никогда не узнает.

Только Марайн была свидетелем, и она... она была вырезана из его жизни.

Его сердце ожесточилось.

Только это позволило ему не расхохотаться над ними, когда искренние и серьезные Кровавые Ангелы хвалили его за героический

поступок по спасению фрегата.

Он внимательно слушал, кивая в нужных местах, когда они говорили ему, что он

бүгет сопровождать их в их крепость-монастырь на

Баале.

Там ему будет оказана честь "долга крови".

Такие жесты уважения и доверия были редки.

Он говорил правильные слова и принимал любезно, а в глубине души прикидывал, как может использовать это неоправданное доверие для большей выгоды.

Не сейчас, возможно, но однажды.

С мостика он наблюдал взрывы циклонных торпед, уничтожающие Орилан, стирающие последние следы его отступничества.

В огнях ему показалось лицо Марайн, ее исчезающий образ утянул с собой последнюю человеческую часть его души.

В конце концов он оставил Кровавых Ангелов позади и вернулся в свое святилище, открывая свой разум, чтобы коснуться

илматериума, когда корабль вошел в

варн.

Пластичный, постоянно меняющийся голос
ожигал его с планами, идеями и тонкими
шепотками.

Ратиус Штель охотно последовал за ним
в темноту, отворачивая свое лицо от
Императора и открывая дорогу к Путям
Изменения.

...